

ГЛАВА 15

ПРИЕЗД АСКОЛЬДА И ПЕРВОЕ КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Блаженный Аскольд — сарматский
тирарь.

Летопись св. Иоакима Новгородского

Аскольд занимает самое крупное и самое почетное место в нашей древней истории как очень чтимый нашим народом первый князь-христианин, принявший мученическую кончину именно за свое христианство от рук язычников. Память о нем сохранилась у нашего народа более тысячи лет, и могила его никогда не забывалась: народ чувствовал в нем поборника правды Божией и во все эпохи нашей тысячелетней истории с любовью посещал его чтимую могилу. Более того, во второй половине XIX столетия на его могиле совершалось ежегодно в определенный день богослужение (см. С. Лесной. История русов. Париж, 1955). Не была ли это подготовка к его канонизации как князя-мученика?⁶

Христианская летопись св. Иоакима назвала его Блаженным, так называют только святых Угодников Божиих, прославленных и не прославленных.

Старание князя Аскольда ввести христианство на Руси не пропало в тумане, именно в созданном им храме Пророка Божия Илии воспиталась духовно равноапостольная Великая княгиня Ольга, которая построила два храма еще в Киеве: Святой Софии на могиле князя Дира и Святой Николаевский храм на могиле Аскольда, кроме того, она построила храм Святой Троицы в Пскове и, вероятно, Преображенский храм в Новгороде.

Христианство на Руси разрасталось, несмотря на язычество последующих князей после Аскольда: если при князе Олеге христианство было только терпимым, то при Игоре Рюриковиче оно развивалось, потому что Игорь относился сочувственно к нему и в договорах Игоря с Византией христиане вельможи поставлены на первом месте и приносили присягу верности договору в храме Пророка Илии на Подоле, а языческая часть их — у статуи Перуна.

На Игоря, безусловно, было влияние его жены, будущей христианки Ольги, которая с юности стремилась к познанию духовной жизни, что она и доказала всей своей последующей равноапостольной деятельностью. Если бы не упорство Византии, крещение Руси произошло бы во время ее княжения, так как Византия поставила условием подчинение Руси государственно, на что ее воеводы и боярство никак не могли согласиться.

Такие же условия были поставлены, оказывается по языческой летописи, и Аскольду, чему его воеводы решительно воспротивились. Дважды ездила св. Ольга в Царьград умолять императора изменить свое требование и не добилаь этого.

Ввиду того огромного значения, которое имеет Аскольд в нашей преистории, вам необходимо знать, кто он, откуда приехал, какой он был национальности, какого верования и происхождения?

Христианская летопись назвала его «пасынком княгини Рюриковой». Что это означало, не было объяснено, но одно только ясно, что он княжеского происхождения. Что означает сарматский тирарь, тоже не совсем ясно, но можно высказать предположение, что он имел какое-то отношение к той части киевлян, которые назывались русы, так и сам был руг или рус. Ведь об этом пишет св. Иоаким

Корсунянин, который хорошо знал, что греки называли, по римской терминологии, русов сарматами. Написать «русский тирарь» было нельзя, потому что в его время слова «русский князь» употреблялись в общерусском значении, а он хотел указать именно на ту часть жителей Киева, которые были русы, в отличие от полян-славян. «Не гордись, что ты рус, — пишет немного позже митрополит Илларион, — ведь славянин тот же человек». Даже до времени св. Владимира будут еще различаться в Киевском войске русы и поляне.

Теперь коротко ответим на вопросы, поставленные ранее. Аскольд приехал в свите Рюрика как его ближайший родственник. Приехал не из какой-то языческой и дикой Скандинавии, а из христианской страны княжества ободричей на реке Эльбе, где княжил отец Рюрика Годлав, женатый на дочери князя Словении Гостомысла Умиле. Это княжество по самым последним историческим данным было вассальным княжеством датского короля⁷.

Датский король был уже в это время христианином, крещеным апостолом Северной Европы св. Ансгарием, архиепископом Гамбургским. Княжество ободричей имело смешанное население: были и христиане, и язычники, имевшие тоже одного из богов по имени Перкун, наподобие киевского Перуна.

Не исключена возможность, что Аскольд, имевший в крещении имя Николай, уже был крещен св. Ансгарием и назван был в честь тогдашнего Папы Николая, которому был подчинен св. Ансгарий или, быть может, он только готовился к крещению. О такой возможности говорит следующий факт: Аскольд некоторое время, год или более, жил в Полоцке, в княжестве кривичей. Если бы он

не был христианином, может быть только по убеждению, он не сообщил бы св. Ансгарю о своем пребывании там и, наверно, с миссионерской целью, сообщив ему, что он поселился среди «скривичей», именно скривичей, зная, что они считают себя происшедшими от Скревы, дочери Богумира, это указывается в языческой летописи.

Св. Ансгарий немедленно включил в свой титул эту народность — «скривичи». Его полный титул был: архиепископ Гамбурга, полабских славян, датчан, скандинавов, поморов и скривичей. Здесь, конечно, указываются миссионерские области его юрисдикции, а не народности.

Но, по-видимому, убедившись в том, что скривичи еще не созрели в то время для принятия христианства, Аскольд уехал от них и направился в христианскую Византию, а по дороге остановился в Киеве.

Здесь он и был приглашен на княжение, но, наверно, не всеми, потому что в дощечках написано «непрошен князь», то есть одни просили, другие не просили. Там же, в дощечках П15Лаз. читаем: «Вот откуда произошли три рода славянские, от них происходят древляне, кривичи и поляне. Как первая дочь Богумира имя имела Древа, а вторая Скрева и третья Полева. Сыновья же Богумира имели имена свои: Сева и младший Рус, от них происходят северяне и русы». Северяне — жившие на Северском Донце.

Конечно, это наивная былина языческих славян о происхождении различных племен, но нас здесь интересует то, что вторая дочь носит имя Скрева, а отсюда и в титуле св. Ансгария скривичи, о чем св. Ансгарий мог узнать от Аскольда.

Вот что в дощечках сказано о приезде Аскольда. В П10Лаз.: «Тысячу триста лет снустя от исхода

с Карпат Аскольд злой пришел к нам, тогда отошел народ мой от лада» (то есть от истины). «На Руси могучий Сварог наш, а не другие боги». «Спросят нас (другие) народы: кто мы такие? И если ответим, что мы люди неразвитого края и управляют нами греки (в Тавриде) и варяги, тогда что ответим детям нашим, которые будут упрекать нас в глаза за (наше) пленение, и что истина будет».

Ясно сказано, что с пришествием Аскольда отошел их народ от могучего Сварога, то есть начал менять свою веру. Это было записано на дощечке уже тогда, когда христианство в Киеве было заметным явлением, после первого крещения киевлян, то есть после 867 года.

«В тысячном году (после исхода с Карпат, то есть за 800 лет до Аскольда, а именно в VI веке) побили нас римляне и сурянтов (сурождцев), которые были тогда с нами. Мы должны идти на греков, которые стали воевать смелее львов».

Это воспоминание о времени Юстиниана Великого, который строил мощные стены Корсуни и Боспора и его регулярные войска разбили русов в Таврике. Да, это были не те греки-колониисты, которые разбегались от сурождских русов «как порошечки от страха», как отзывается летописец Ягилло о греках того времени, а вот во времена Юстиниана Великого «стали воевать смелее львов». Это, между прочим, весьма редкое признание летописца о том, что те храбрее русов, — в других случаях он всегда пишет о храбрости русов, что они разбивали и римлян, и кельтов, и готов, и всех прочих.

В П19Лаз.: «Аскольд и позже Дир уселись у нас как непрошенные князья и начали княжить над нами. Они были князьями, окрещенными греками». Написано ясно «од грецех крщена». «Аскольд есть

темный воин и только теперь греками просвещен («освещен»), говорил («же* — это польская форма глагола «рех»).

Аскольд сказал своим воеводам: «Вы никакие не русы, а только варвары. А на это мы можем посмеяться, так (как) киммерийцы были отцами нашими и они трясли Рим, а греки разбегались, как испуганные поросята. Это Аскольд жертву приносит чужим богам, а не нашим, как это было при отцах наших, и мы не смеем поступать иначе. А греки хотят нас окрестить («а греце хотиае нас акрщати»), чтобы мы забыли богов наших и также обратились к ним как бы невольники их».

Смысл совершенно ясный; греки требовали от Аскольда, чтобы, крестив Русь, сделал ее подвластной Византии, то есть то самое, что требовали греки от св. Ольги и от св. Владимира, как условие крещения Руси. Св. Ольга со слезами отступила, а св. Владимир взял силой, обратившись с молитвой к Богу перед воротами Корсуни: «Господи Боже, Владыка всех! Сего у тебя прошу, дай мне град сей, да прийму и приведу люди христиане и попы на свою землю, да научат людей закону христианскому. И послуша Бог молитвы его и прият град Корсунь».

Эту молитву записал его современник, церковный историк монах Иаков.

Приведенный отрывок из дохристианской летописи о столкновении Аскольда с его воеводами — самый замечательный, так как проливает свет на

* В Д10 несколько раз употребляются слова глагола «говорить, сказать», как в данном сокращенном виде, другие формы этого глагола: «жещено яко оставихом» и «да жещут яко есьме» и т. д. В обоих случаях Соколов перевел как «сказано» и «скажут». В слове «жех» — пропущена буква «х», что нередко случается.

причину неудачи массового крещения Руси, то есть смысл такой: подчиняйтесь не только патриарху, но и императору, а иначе не дадим ни учителей, ни священников из Корсуни. А Аскольд не мог взять силой, но св. Владимир взял все это силой и привел на Русь и учителей, и духовенство.

Византия никак не хотела дать Киевской Руси сурожское христианство среди русов, так как неизбежно они потеряли бы не только Сурожскую Русь, но и всю Таврику, во всяком случае, все Боспорское царство, что, собственно, и случилось при св. Владимире: сын его Мстислав стал князем чуть ли не всей Таврики, и только доброта св. Владимира возвратила грекам Корсунь «за вею», как сказано в христианской летописи, за царевну Анну.

Не был ли поход Аскольда на Донские земли рекогносцировкой, чтобы выяснить возможность получить там у донских христиан, находившихся в Хазарском каганате, и учителей, и священников?

О том, что на Дону «у хазари» были христиане, Аскольд безусловно знал от тех, кто жил в торговом районе Подола, но что могли сказать ему тамошние торговые люди о возможности получить учителей и священников? Ничего. Нужно было самому исследовать на месте этот сложнейший вопрос. По-видимому, этот его поход на Донские земли не дал желательных для него результатов. А что там, на Дону, было христианство в какой-то степени, свидетельствуют арабские историки, которые пишут, что «аорсы, живущие на реке Маныче, ездят в Багдад и заявляют себя христианами и как таковые платят подати».

То, что языческий летописец пишет, что Аскольд только теперь греками просвещен, нисколько не умаляет предположения, что Аскольд уже приехал с

христианскими убеждениями, так как в этой фразе воевод есть такой смысл, что он сам еще не так давно был язычником, а нас называет варварами, потому что мы не христиане. За этой фразой непосредственно следует другая: «Вы никакие не русы, а только варвары», то есть все истинные русы, находящиеся в Священной Римской империи Карла Великого, откуда Аскольд приехал, уже давно христиане, а вы не понимаете и не принимаете христианства, потому что вы еще варвары и не доросли, мол, до высшей культуры.

Этого оскорбления воеводы не простили и при первом же удобном случае выдали Аскольда язычнику Олегу.

Мысль о том, что в постепенном культурном совершенствовании народы дорастают до понимания христианства и принимают крещение, была развита подробно в том же Киеве значительно позже митрополитом Илларионом в своем знаменитом Слове о Законе и Благодати. Эту же мысль впервые высказал и Аскольд, наверно, уже после безуспешной поездки на Дон к тамошним христианам.

В дальнейшем приводится значительная часть главы об Аскольде из моей книги «История христианства в Земле Русской», изданной в 1968 году, поэтому неизбежны иногда некоторые повторения.

* * *

Теперь рассмотрим причины, почему это Первое крещение Руси при Аскольде не получило должного государственного развития? Не потому, что Киевская Русь была еще культурно не подготовлена к принятию христианства. Она была вполне готова, наряду со славянами балканскими и великоморавскими, и с Северной Германией и Сканди-

навийей, принимавшими христианство в это время, то есть в середине IX века, а потому, что не было христианской культуры родственной Руси, силами которой могло бы быть осуществлено насаждение государственного христианства, потому что греки не могли ничему научить киевских русов, не зная их языка, а русы не звали греческого языка.

Непосредственные переговоры Аскольда с Царьградом не привели ни к чему, хотя им и было послано императором Василием Македонянином Евангелие на русском языке в 866 году, но учителей не было, а греки ревниво оберегали от киевлян Сурожскую Русь с ее высокой греческой христианской культурой, которая только одна и могла насадить христианство в Киевской Руси, что и было сделано 120 лет спустя равноапостольным князем Владимиром, который силой взял корсунское христианство, в лице его учителей, священников и епископов, и перенес его в Киев. Перенес не только мощи ап. Климента из Корсуни в Киев и создал придел ап. Климента в Десятинной церкви, которую посвятил Пресвятой Богородице, но и перенес всю богатейшую культуру таврической христианской Руси в Киев. В этом и есть величайшая заслуга и мудрость равноапостольного князя Владимира.

Первое крещение какой-то части населения Киева является фактом совершенно неоспоримым, но оценка его может быть разной. Патриарху Фотию это показалось таким же равноценным, как и крещение князя Бориса в Болгарии и всего его народа, или же как почти одновременная великая миссионерская деятельность св. Мефодия в Моравии.

Также патриарх Фотий оценил и крещение при Аскольде части его дружины и какого-то количества киевлян, о чем он оповестил весь тогдашний

христианский мир. И был даже назначен епископ и русская 61-я епархия была внесена в список епархий Константинопольского патриархата. Об этом засвидетельствовано в целом ряде исторических документов. Но и только. Большого развития это не получило, потому что некому было насаждать христианское вероучение у нового народа, не было ни учителей, ни книг, ни руководителей церковного пения, ни христианской культуры, которую можно было бы перенести в столицу Киевской Руси. Было все это, хотя и не в большом количестве, в Сурожской Руси, но греки старались это скрыть и ревниво охраняли свою церковную и государственную гегемонию в Таврике и ничего, кроме одного Евангелия, не допустили в Киев. Получилась одна небольшая княжеская церковь св. Пророка Божия Илии на Подоле, может быть, один или два священника, так как о епископе, о котором писал патриарх Фотий, никаких письменных памятников в Киеве не было. Да и сам Аскольд был новым человеком в Киеве, не природным киевским князем, хотя и князем славянского племени полабских ободричей, но все же иного племени и, конечно, немного иного наречия.

Самый факт построения первой христианской церкви не на княжеской горе, а на Подоле, в части, именуемой «Хазары» говорит о том, что Аскольд не решился на большую государственную ломку, а захотел опереться на какую-то группу из хазарского района Подола. Подол в то время был ремесленной и торговой частью Киева. Ведь в это самое время торговые связи с Хазарией (Дон и Таврика) были очень сильные, а в Таврике христианство в IX веке было в расцвете.

В эти же самые годы св. Кирилл приезжал и в Корсунь, и на Дон.

Возможно, что христиане из Хазарии имели на Подоле у Почайны свой домовый храм, который князь Аскольд и перестроил в церковь Пророка Илии. Положение этого храма было не твердое. По существу, первый храм, создаваемый в новой стране, должен был быть посвящен Христу Спасителю или Пресвятой Богородице, а не одному из святых. Но, несмотря на все это, этот храм стал колыбелью Церкви Киевской Руси. Подчеркиваем, Церкви Киевской Руси, потому что Русь, Земля Русская, это не только Киевская Русь, это понятие более широкое; это и Северная Новгородская Русь, древняя Словения, развивавшаяся самостоятельно в течение многих поколений князей Словении: Вендала, Славена, Владимира Древнейшего, Столцосвята, Бурового, Гостомысла, Вадима Храброго и др. Это и Русь Южная, Приазово-Черноморская, подъяремная, входившая в античное время в состав Боспорского царства как неоформленная Сурожская Русь, потом ставшая частью Хазарского каганата и именовавшаяся Тавроскифией. Потом воспрянула как самостоятельное Бравлинское княжество, недолго существовавшее. Наконец, при князе Мстиславе, сыне св. Владимира, оформившая свое вновь самостоятельное Тмутарханское княжество. Это княжество имело семь последовательно княживших князей, которые распространили свою власть на все Приазовье, и владело Саркелом, бывшей столицей Хазарского каганата, переименовав его в Белую Вежу. Это княжество владело всем бывшим Боспорским царством, переименовав его столицу Боспор на Корчев, а Понт Эвксинский в Русское море. Эта несчастливая Приазово-Черноморская Русь под натиском монголо-тюркских орд перестала существовать на несколько столетий, частично уйдя

в Киевскую Русь, о чем летописец записал, что «в лето сие возвратились беловежцы в Киев». А жена последнего князя Тмутарханского Олега Святославовича на своей печатке начертала: «Господи, помоги рабе Твоей Феофании Мусалон архонтесе Руси». Русь возродилась в этой древней Русколани только в XVIII веке при князе Потемкине Таврическом.

Эта подъяремная Русь: тавро-«скифы» приняли Христово учение от апостола Андрея и донесли свет Евангельского учения до самой колыбели Церкви Киевской и Новгородской Руси, в лице великих первоучителей русов, выходцев из Таврической Руси: архиепископа Новгородского св. Иоакима и первого из русских митрополита Киевского св. Иллариона, и тех священников и учителей веры, которых привез из Корсуни святой князь Владимир.

Несомненно, христианская жизнь в этой Таврической Руси все время поддерживалась со времен еще апостола Андрея и апостола Климента, но греки всячески замалчивали это и считали, что там должна быть только греческая Церковь, потому и именовали Сурожскую Русь Готфской епархией. И недаром Русская Церковь причислила к лику своих святых семь херсонесских священномучеников, потому что немалое количество христиан в их епархиях были тавро-«скифы», то есть русы. «Тавроскифы, которые сами себя называют “руссы”», — записал греческий писатель того времени.

Там, в Таврике, был первый русский князь-христианин Бравлин в VIII веке. Там были катакомбные храмы в подвалах домов, раскопанные в Херсонесе, Танаисе и Наварисе, были, конечно, и в других местах, но все это было не только под возглавлением греческой иерархии, как это было пару столетий в Киеве, но и сама Церковь была

греческой. Только на короткое время тмутарханских удельных князей местные епископы были подчинены митрополиту Киевскому.

Все это относится в какой-то степени и к Танаисской Апостольской Церкви, в которой большая часть была из местных жителей роксолан. Христианство в Приазовской Руси не умерло с гибелью Танаиса, но кое-как продолжало существовать среди русов, хотя бы в Наварисе (ст. Аксайская), жизнь в котором продолжалась до V века. В столице хазар Саркеле была христианская церковь, построенная по просьбе тамошних христиан византийскими архитекторами.

Но Русская Церковь, русская в полном смысле слова, началась с князя-христианина Аскольда, которого русская летописная традиция назвала Блаженным — такой эпитет дается только высокопочитаемым избранникам Божиим. Уже при нем Русская Церковь числилась как 61-я епархия, как уже существующая.

ГЛАВА 16

ХРИСТИАНСТВО НА РУСИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ АСКОЛЬДА

После мученической кончины Аскольда в 882 году, церковь не была ни уничтожена, ни закрыта, потому что христиан было уже немало.

В договоре Олега с Византией 911 года был и русский текст, то есть на роуськом языке и русскими буквами, теми самыми, которыми были написаны Евангелие и Псалтирь; их видел св. Кирилл в Корсуни в 861 году, то есть за 50 лет до составления договора. Это была христианская культура и письменность, которой владела киевская знать, не